

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ КАК ПРИЗНАК ЭКСПЕРТИЗЫ

Исследовано значение и правовое регулирование дефиниции «Специальные знания» как в материальных, так и процессуальных правоотношениях, а также научное понимание данного термина как признака экспертизы. Выявлены существенные черты данного признака, знания, которые могут являться специальными, и круг лиц, которые данными знаниями могут обладать. По итогу анализа существенных черт предложено авторское определение термину «Специальные знания».

Ключевые слова: специальные знания, экспертиза, эксперт, специалист.

Уже в 1965 году, основатель корпорации Intel, Гордон Эрл Мур высказал предположение, что рост объема информации подчиняется так называемому «закону Мура» с небольшой корректировкой, то есть объем информации увеличивается каждые три года. В связи с этим, несмотря на возросшие скорости передачи информации, доступности и упрощения ее поиска, ежегодно возрастает необходимость в людях, обладающих полным спектром информации в определенной специфической области деятельности. Особенно такая необходимость возникает в отношениях, объектом которых являются «существенные» материальные и нематериальные блага.

Исходя из всего этого, не удивительно, что и законодатель и органы исполнительной и судебной ветвей власти обратили внимание на такой институт как экспертиза, на таких субъектах как специалист и эксперт. Интенсивное развитие юридической науки и практики настоятельно требует разработки понятия принципов использования специальных знаний как в гражданском и в уголовном процессе, так и материальном праве. Развитие гражданско-правовых, административных и иных отношений приводит к необходимости принятия нормативно-правовых норм, регулирующих новые сферы применения института экспертизы.

В науке сложилось большое количество определений относительно понятия «эксперт» и «специалист», но все они сводятся к выделению основополагающего принципа обоих понятий – это лицо, обладающее специальными знаниями. Тем самым, основным вопросом, связанным с раскрытием сущности экспертизы и понятия «эксперт» и «специалист», является понятие «специальные знания». Следовательно,

но, для более правильного практического применения экспертизы, нужно более полное теоретическое изучение понятия «специальные знания». Учитывая тот факт, что даже в судебной практике встречаются отдельные случаи, когда перед экспертами ставятся вопросы, не требующие специальных познаний, которые может установить сам суд без заключения эксперта, встречаются и обратные ситуации, когда суд выносит решение, не назначая экспертизу и не обладая всей информацией по делу. Представляется, что это происходит из-за неправильного представления лицами, входящих в состав суда и осуществляющее правосудие (судьями), понятия «специальные знания» и недооценивания значения экспертизы.

В одних, относительно редких и имеющих большое общественное значение, случаях, сам процессуальный закон предписывает необходимость применения специальных знаний (познаний) и обязательное назначение экспертизы (ст. 283 ГПК РФ, ст. 79 УПК РФ), одновременно указывая, для выяснения каких фактов следует обязательно назначить экспертизу и какого вида.

В остальных случаях вопрос о том, нужны ли для выяснения фактических обстоятельств научные, технические и иные специальные знания решается в каждом конкретном случае судьей (судом) исходя из характера фактов подлежащих установлению, правового сознания и содержания понятия «специальные знания»[1].

Наличие специального знания презюмируется у государственных судебных экспертов. В ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не используется понятие «Специальные знания», а говорится о профессиональных и квалификационных требованиях, предъявляемых к экспер-

ту. В частности, эксперт должен иметь высшее профессиональное образование и пройти последующую подготовку по конкретной экспертной специальности. Тем самым, законодатель, хоть и не использует термин «специальные знания», говорит именно о нем.

Традиционно в юридической литературе под термином «специальные знания» понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства или ремесла, приобретаемые в процессе специальной подготовки или опытным путем, которые необходимы для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства[10].

По мнению Г.Г. Зуйкова, применительно к процессу судопроизводства, «специальные знания» – это, прежде всего основанные на теории и закрепленные практикой глубокие и разносторонние знания приемов и средств, обеспечивающих обнаружение, фиксацию и исследование доказательств. К специальным знаниям, в том же смысле, относят познания в криминалистике, судебной медицине и психиатрии, химии, физике, пожарном деле, автоделе, а также любые иные познания (педагогические, лингвистические, математические и др.), использование которых необходимо для полного, всестороннего и объективного расследования преступления[6].

Эта позиция, отражающая направленность использования специальных знаний, по нашему мнению, заслуживает принципиальной поддержки, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, в данном определении отражается надежность, выверенность практикой тех знаний, которые используются при получении судебных доказательств. «Специальные знания» должны способствовать достоверному установлению, а не только изучению, и лицо, производящее исследование, должно использовать апробированные методики, оборудование и материалы, гарантирующие высокую точность результатов.

Во-вторых, в этом определении снято какое-либо ограничение на пути расширения специальных знаний за счет включения в них любых знаний, использование которых необходимо для целей судопроизводства. Мерилом широты «специальных знаний» может быть лишь юрисдикционная практика. Но «специальные знания» – это не только знания, используемые

в гражданском судопроизводстве, в том числе и криминалистические знания, но знания и умения, которые складываются во всех сферах человеческой деятельности. Таким образом, не все носители специальных знаний имеют отношение к гражданскому судопроизводству и тем более не являются достаточно компетентными в обнаружении и закреплении доказательств.

Достаточно удачным является определение, данное Е.И. Зуевым, который считал, что «специальные знания» – это любые знания в науке, технике, искусстве или ремесле, применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия[7].

Автору представляется, что при таком многообразии понятий необходимо выделить те знания, которые не могут включаться в разряд специальных и, соответственно, не могут стать основой для проведения экспертного исследования. Также с помощью такого выделения будут определены основные принципы, составляющие основу понятия термина «специальные знания».

Традиционно к специальным знаниям не относят общеизвестные, а также юридические знания. Однако В.И. Шиканов утверждает, что термин «специальные знания» применяется для обозначения любой возможной совокупности знания без учета познаний общеизвестных (то есть входящих в общеобразовательную подготовку граждан) и познаний в области права. Однако это мнение, скорее исключение, чем правило.

Так, Ю.К. Орлов полагает, что специальными являются знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта. Ими обладает более или менее узкий круг лиц[12]. Однако данный тезис, не отражен в законодательстве и в настоящее время достаточно «устарел».

Как справедливо замечает Т.В. Сахнова, проблема разграничения обыденного и специального знания применительно к процессу, есть проблема определения критериев потребности в специальных знаниях, за исключением случаев, специально предусмотренных в законе. Решение этого вопроса отдано на усмотрение сторон спора, суда., Т.В. Сахнова формулирует ряд объективных предпосылок использования специальных знаний, на которых строится это усмотрение: норма права (материального или процессуального), содержащая специальные элемен-

ты в определенной форме; уровень развития научных знаний, позволяющий использовать их для практических целей; наличие объективной связи между способом применения научных знаний и юридической целью их использования [14].

Например, при признании гражданина недееспособным потребность в специальных (психиатрических) знаниях обусловлена:

а) наличием в составе юридического факта, с которым норма материального права (ст. 29 ГК РФ) связывает признание гражданина недееспособным, специального элемента (психическое расстройство, повлекшее неспособность понимать значение своих действий или руководить ими);

б) установлением психического расстройства, его формы (диагностика), степени влияния на полноценность интеллектуальной и волевой сферы – компетенция психиатрии, которая имеет в своем арсенале достаточно разработанные методики экспертного выявления указанных фактов;

в) профессиональной оценкой эксперта-психиатра фактов выявленных им в ходе исследования (диагностика психического заболевания, степень деформированности и сохранности различных свойств личности), подтверждающих (опровергающих) наличие юридического факта, называемого ст. 29 ГК РФ.

Данное положение было отражено при рассмотрении дела № 2-411/09 судьей Дзержинского районного суда по заявлению Оренбургского областного психоневрологического диспансера о признании гражданина недееспособным. Судья в данном конкретном деле: во-первых, применил норму материального права – ст. 29 ГК РФ; во-вторых, для установления психологического расстройства использовал предоставленную справку из психологического диспансера; в-третьих, для доказывания факта болезни использовал заключение судебно-психологической экспертизы. Аналогично решался вопрос по иску Иванова В.В. к ОАО «Спутник» по делу № 2-176/07 о взыскании стоимости санаторно-курортного лечения.

Однако разработка вышеуказанных критериев определяет именно критерии использования тех или иных знаний, но не дефиницию «общеизвестные знания», которая носит, по мнению Е.Р. Российской, субъективный оценочный характер [13].

А.А. Эйсман утверждал, что «специальные знания» – это «знания не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения. Это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов» [16], то есть те которыми не располагает или не в полной мере [5] располагает субъект как судебного, так и внесудебного доказывания. Однако возникает вопрос: «Могут ли являются ли специальными или общеизвестными сведения, изложенные в предназначенных для широкого круга читателей энциклопедиях, справочниках, словарях, представленные в электронных средствах массовой информации, сети Интернет?». Отнесение специальных знаний к знаниям общеизвестным, обыденным, общедоступным существенным образом зависит от образовательного и интеллектуального уровня субъекта, его жизненного и профессионального опыта.

Соотношение специальных и общеизвестных знаний, по своей природе, изменчиво и зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека. Расширение и углубление знаний о каком-то явлении, процессе, предмете приводит к тому, что знания становятся более дифференцированными, системными, доступными более широкому кругу лиц. В конечном итоге, сфера обыденных знаний обогащается. Одновременно идет и обратный процесс. За счет более глубокого научного познания явлений, процессов, предметов, вроде бы, очевидные и обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, которые приобретают характер специальных знаний.

Анализ литературы показывает, что до недавнего времени существовало практически единодушное мнение: юридические знания не являются специальными, при этом поддерживался принцип *jura novit curia* (суду известно право). Однако нигде в законе прямо не указывается на то, что юридические знания не могут быть специальными, и нет нигде подтверждения данного принципа.

Данный подход сейчас многим юристам представляется так же устаревшим в связи с тем, что процессы дифференциации научного знания, сопровождающие развитие науки вообще, не обошли стороной и юридические науки. Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, «право – не застывший формализованный свод пра-

вил. Оно изменяется и развивается по мере развития общества и государства».

Поэтому сейчас на страницах периодической печати вновь разгорелись дискуссии о возможности назначения так называемой «правовой» экспертизы. Одни авторы, такие как В.С. - Балакшин[2], Л.Д. Гаухман[3] и Н.А. Громов[4] убеждены, что правовая экспертиза просто необходима, поскольку наше законодательство «пестрит» нормами с бланкетными диспозициями и ни один юрист не может в точности помнить все, на что имеются ссылки.

Впервые юридические знания были отнесены к специальным в практике рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ. Статья 63 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» гласит, что в заседание Конституционного суда может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела. Казалось бы, здесь нет противоречия с приведенным выше подходом большинства «старых» процессуалистов, однако анализ практики рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ показывает, что во многих случаях в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы (доктора и кандидаты юридических наук), и на их разрешение ставятся вопросы чисто правового характера, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права. Так же возникает вопрос о возможности назначения экспертизы по вопросам установления норм иностранного права.

Другие же, Ю.Г. Корухов[10] и П.С. - Янин[17], по-прежнему называют такую практику «порочной», так как суд не вправе перекладывать юридические вопросы, поставленные на его разрешение, на плечи другого юриста. Предполагается, что суд лучше любого специалиста должен уметь отвечать на подобные вопросы. Сторонники этой точки зрения опасаются (и, надо признать, не без основания), что легализация «правовых» экспертиз в процессе, вполне вероятно, приведет к тому, что судьи будут охотно возлагать функции по установлению юридических обстоятельств дела на лиц, которые не являются даже субъектами доказывания и уж тем более не наделены правом выносить свои суждения по делу.

Так А.А. Мохов, приводит пример, что иногда в определениях судов о назначении экс-

пертизы встречаются вопросы, противоречащие сущности понятия «экспертиза». Например, такие: «Соответствовали ли действия медицинского персонала лечебно – профилактического учреждения, при оказании помощи гражданке А., нормам действующего законодательства об охране здоровья, если нет, то имеется ли причинная связь между действиями персонала и наступившими последствиями?»

Данный вопрос состоит из двух частей:

- 1) Одна часть вопроса относится к компетенции лица, сведущего в области медицины;
- 2) Согласно другой части предложения, эксперту предлагается решить вопрос о соответствии действий медицинских работников нормам действующего законодательства.

По существу, лицу, не имеющему необходимых юридических знаний, предлагается решить правовой вопрос, относящийся к исключительной компетенции суда (п. 1 ст. 118 Конституции РФ)[11]. Однако можно предположить, что если у судьи (суда), несмотря на имеющиеся материалы по делу, возникли сложности в квалификации деяния, а ввиду недостатка правовых знаний, возникают сложности в отношении рассматриваемого дела, то в процесс может быть привлечено (чаще всего для дачи консультации, разъяснения тех или иных положений, обычаев оборота в определенной сфере деятельности) сведущее лицо (в качестве специалиста, а не эксперта). Нельзя исключить и возможность производства комплексной медико-правовой экспертизы. Окончательное решение вопроса в любом случае остается за судом.

Так же, возникает вопрос о возможности назначения экспертизы по вопросам установления норм иностранного права. Интересным представляется мнение некоторых ученых, которые, категорически возражая против правовой экспертизы в целом, отдельно отмечают допустимость последней. Так, п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. N 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» указано, что «определяя круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств относятся к исключительной компетенции суда.»

Вместе с тем, в целях установления содержания норм иностранного права, суд, в предус-

мотренном законом порядке, может обратиться за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации либо привлечь экспертов (ч. 2 ст. 14 АПК РФ, п. 2 ст. 1119 ГК РФ). При привлечении лица, обладающего специальными знаниями в области иностранного права в качестве эксперта, суд руководствуется соответствующими положениями Закона об экспертной деятельности, а также нормами АПК РФ, регулиющими вопросы назначения и проведения экспертизы. Иными словами, Высший Арбитражный Суд РФ разрешил проведение правовой экспертизы, но только в одном случае: – когда требуется установление содержания норм иностранного права. При этом, абсолютно верно подчеркнуто, что получение указанной информации возможно не только посредством назначения экспертизы, но и путем консультаций соответствующих специалистов [15]. Предполагается, что было бы справедливо закрепить данное положение и в актах гражданского процессуального права, так как данное положение поддерживается не только нашим законодательством, но и законодательством других стран. Однако Т.В. Сахнова считает, что разъяснение норм иностранного права является не применением специальных знаний в процессе, а доказыванием иностранного права [14]. В то же время с указанным суждением не согласуются нормы ч. 1 ст. 166 Семейного кодекса РФ, а также ч. 2 ст. 1191 ГК РФ. Упомянутые акты допускают привлечение экспертов в целях установления содержания иностранных норм, а поскольку об эксперте речь идет только применительно к специальным знаниям, из этого можно заключить, что законодатель считает разъяснение норм иностранного права применением специальных знаний.

Из всего выше сказанного считается правильным принять промежуточную позицию, то есть, с одной стороны, применять «правовую» экспертизу. Однако, с другой стороны, нельзя допускать, чтобы заключение эксперта предreshало выводы суда по делу, поэтому нельзя ставить на разрешение экспертизы вопросы о соответствии или несоответствии, нарушении или соблюдении каких бы то ни было нормативных актов [8]. Ю. Корухова считает, что вместо того, что бы спрашивать специалиста: «Как должно было действовать лицо в данной ситуации?» Эксперт, не вмешиваясь в компетенцию судьи, должен будет прояснить, какое поведение является технически грамотным, а суд, исходя из этой абстрактной модели, будет уже сам сравнивать ее с действиями конкретного лица и устанавливать расхождения. Автор считает, что эксперт (специалист) должен вынести на слушание суда все возможные последствия и суд, исходя из этого, должен принимать решение по конкретному делу. Однако, эксперт должен не только в «правовых» экспертизах приводить все возможные варианты решений, если на вопрос заданный судом можно дать альтернативное заключение.

Подводя итог теоретическому анализу термина «специальные знания», автор хотел бы предложить следующее определение понятию «специальные знания» – это основанные на теории, глубокие и разносторонние знания, которые не являются общедоступными, закреплены практикой (в форме опыта и умений) в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах, применяемы для разрешения вопросов, возникающих в материальных и процессуальных правоотношениях.

26.02.2012

Список литературы:

1. Авдюков М.Г., Клейман А.Ф., Треушников М.К. Основные черты буржуазного гражданского процессуального права. – М.: Изд-во МГУ, 1978.
2. Балакшин В.С. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу // Законность. 1999. № 1.
3. Гаухман Л.Д. Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // Законность. 2000. № 4.
4. Громов Н.А., Смородинова А.Г., Соловьёв В. Заключение эксперта: от мнения правоведа до выводов медика (обзор практики) // Российская юстиция. 1998. № 8.
5. Дудлов А.В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. – Минск.: 1959.
6. Зуйков Г.Г. Значение специальных познаний для расследования и формы их использования // Криминалистическая экспертиза. 1996. Вып.1.
7. Зуйков Г.Г. Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования // Криминалистическая экспертиза. 1966. Вып. I.
8. Конева Н.А. Правовая экспертиза в гражданском процессе: pro et contra // Российская юстиция. 2006. №1.
9. Корухов Ю.Г. Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2000. № 1.
10. Кузякин Ю.П. Специальные знания в производстве по делам об административных правонарушениях // Закон и право. 2006. № 7.
11. Мохов А.А. Судебно – медицинская экспертиза по гражданскому делу: «типичные ошибки» при постановке задания эксперту и пути их устранения // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 2.

12. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. – М.: Юристь, 1995.
13. Российская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
14. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 2000.
15. Судебная экспертиза в арбитражном процессе / Отв. ред. Д.В. Гончарова, И.В. Решетниковой. М.: Волтерс Клувер, 2007.
16. Эйсман А.А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). – М.: Юрид. лит., 1967.
17. Янн П.С. Правовая экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9.

Сведения об авторе: **Малютин Максим Анатольевич**, аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий специалист отдела специальных имущественных проектов Департамента управления имуществом ОАО «РЖД», malutinm@gmail.com.

UDC [343.1+347.9] : 001.101-057.86

Malyutin M.A.

Russian Academy of National Economy and Public Service at the RF President, malutinm@gmail.com

SPECIAL KNOWLEDGE AS A SIGN OF EXPERTISE

Studied the meaning and definition of the legal regulation of «special knowledge» as in the material and procedural legal relations, as well as scientific understanding of the term as a sign of expertise. Revealed the essential features of this sign, knowledges, that can be special, and also range of persons who may have such knowledge. In accordance with the results of the analysis of the essential features, author proposed definition of the term «special knowledge».

Key words: Special knowledge, expertise, expert, specialist

Bibliography:

1. Avdjukov M.G., Klejman A.F., Treushnikov M.K. The basic lines of a bourgeois civil procedural right. – M: Moscow State University Publishing house, 1978. P. 97.
2. Balakshin V.S. The Expert's statement as an evidentiary fact on criminal case // Legality. 1999. № 1. P. 37–40.
3. Gauhman L.D. Legal examination on criminal cases // Legality. 2000. № 4. P. 21–24.
4. Gromov N.A., Smorodinova A.G., V. Zaključenje eksperta's Nightingales: from opinion of the jurist to conclusions of the physician (the practice review) // the Russian justice. 1998. № 8. P. 29–30.
5. Dudlov A.V. Question of the theory of judicial examination in the Soviet criminal trial. – Minsk.: 1959.
6. Zukov G.G. Znachenie's plovers of special knowledge for investigation and the form of their use // Kriminalisticheskyy examination. 1996.
7. Plovers of the General questions of use of special knowledge in the course of preliminary investigation // Kriminalisticheskyy examination. 1966. P. 113–114.
8. Konev N.A. Legal examination in civil process: pro et contra // the Russian justice. 2006. №1. P. 9–11.
9. Koruhov U.G. Legal and legal examinations in criminal trial // Legality. 2000. № 1. P. 39.
10. Kuziakin JU.P. Special of knowledge in manufacture on affairs about administrative offenses//the Law and the right. 2006. № 7. P. 40–42.
11. Mohov A.A. – medical examination on a civil case: «typical errors» at statement of the task to the expert and a way of their elimination//Arbitration and civil process. 2003. № 2. P. 22–23.
12. Orlov JU.K. Expert's statement's eagles and its estimation on criminal cases. – M: the Lawyer, 1995. P. 6–7.
13. The Russian E.R. Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal trial. – M: Norm, 2005. P. 24.
14. Sahnova T.V. Judicial examination. – M: Gorodes, 2000. P. 12.
15. Judicial examination in arbitration process / Отв. ред. D.V.Goncharov, I.V.Reshetnikovoj. M: Volters Kluver, 2007. P. 57.
16. Eisman A.A. Expert's statement (Structure and a scientific substantiation). – M: lurid. Lit., 1967. P. 91.
17. Jann P. S. Legal examination in criminal case // Legality. 2001. № 9. P. 21–24.